

Коммуникация, ложь и постчеловек: осмыслия фантастические романы А. Рейнольдса

Communication, Lies, and the Posthuman: Understanding the Science Fiction Novels of A. Reynolds

DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-2-47-54

Получено: 15 января 2025 г. / Одобрено: 25 февраля 2025 г. / Опубликовано: 26 апреля 2025 г.

П.И. Вермишова

Канд. филос. наук,
доцент кафедры «Философия, социология
и история»,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Россия, Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9,
e-mail: vermi.poli@yandex.ru

P.I. Vermishova

Candidate of Philosophy, Associate Professor of
Department of Philosophy, Sociology and History
Studies,
Russian University of Transport (RUT-MIIT),
Moscow, Obraztsova str., 9, b. 9,
e-mail: vermi.poli@yandex.ru

Аннотация

Статья исследует философские аспекты постчеловеческого существования через осмысливание фантастических романов Аластера Рейнольдса «Пространство откровения», «Ковчег спасения», «Фаза ингибиторов», базисом которых выступили концепции пост- и трансгуманизма. Автор статьи анализирует, каким образом в современной фантастике эксплицируются и легитимируются процессы изменения человеческой природы, идентичности, аксиологических, этических ориентиров и коммуникативных установок. В фокусе исследовательского внимания оказывается тема постмодернистского понимания социальной коммуникации «Я-Другой» и ксенокоммуникации «Я-Чужой», где границы между истиной и вымыслом становятся зыбкими, и ложное сообщение (обман) становится нормативным. Через рефлексию характера ключевых персонажей, анализ их деятельности и коммуникаций раскрывается идея о том, что само понятие человека радикально переопределяется в условиях постгуманистического будущего.

Ключевые слова: человек, постчеловек, коммуникации, ложь, будущее.

Abstract

The article explores the philosophical aspects of posthuman existence through the understanding of Alastair Reynolds's science fiction novels "Revelation Space", "Ark of Salvation", "Inhibitor Phase". Their philosophical basis was the ideas of post- and transhumanism. It is analyzed how the processes of change in human nature, human identity, axiological, ethical guidelines and communicative attitudes are explicated and legitimized in modern science fiction.

The focus of the research attention is the topic of postmodernist understanding of social communication "I-Other" and xenocommunication "I-Alien", where the boundaries between truth and fiction become shaky, and false information (deception) becomes normative. Through reflection of the nature of key characters, analysis of their activities and communications, the idea is revealed that the concept of a person is radically redefined in the conditions of a posthumanistic future.

Keywords: human, posthuman, communications, lie, future.

У того, кто хочет быть совсем справедливым,
даже ложь обращается в любовь к человеку.

Фридрих Ницше

Введение

Научная фантастика как «схватывающее» высказывание о мире прочно заняла свое место в духовном производстве. Вслед за многими формами культурных практик фантастика «обосновалась» в научном дискурсе филологов (исследования языка, стиля), социологов (исследования социальной динамики), литературоведов (исследования жанров, форм, направлений). Качественная трансформация жанра привлекла к ней и внимание философов.

Подход к рассмотрению фантастических произведений может различаться в зависимости от исследовательской оптики: современная методологическая палитра позволяет не только анализировать сюжет и героев, но и вскрывать глубинные пласты, или архетипы бессознательного, страхи, перспективы и предвосхищения, связанные с отражением тех или иных манифестов, программ, повесток, в том числе то таинственно-невыразимое, по словам В.Д. Диденко,

что и составляет самое суть художественности [7]. Научная фантастика в таком понимании выступает формой проективного семиозиса. Современные философские движения трансгуманизма и постгуманизма, преломляясь в фантастических произведениях, дают богатую пищу для осмысливания человеческого будущего и ставят под вопрос атрибутивные характеристики человека, включая его природу, сознание, коммуникацию.

Обзор литературы

Стоит отметить, что ряд крупных мыслителей, таких как Ж. Делёз, М. Мерло-Понти, С. Жижек, У. Эко, обращались в своем творчестве к анализу литературных произведений и кинопродукции, в том числе фантастического характера, обоснованно находя в них материал для рефлексии [6; 9; 13; 26]. Значительный интерес вызывают и работы отечественных ученых, изучающих данную проблематику, анализирующих научную фантастику сквозь призму ее соотнесения с идеологией, устройством общества, аксиологическими установками и ожиданиями [8; 11; 12; 14; 24 и др.].

Так, осмысливая всплеск интереса к фантастическому, В.Ю. Кузнецов утверждает, что «фантастика способна, по-видимому, предоставить философии своеобразное поле-пространство для разворачивания экстравагантных концептов, равно как и уникальные инструменты моделирования и экспериментирования» [11, с. 125]. Важнейшую роль в современном научном знании отводит научной фантастике и В. М. Маслов, полагая её формой «художественно-футурологического осмысления» [12, с. 180]. Как точно замечает Л.Г. Фишман в своей монографии, именно фантастика сегодня является «идеологически и «социологически» нагруженным» жанром, заменившим в общественном сознании идеологии и утопии [24, с. 5].

Научная фантастика во всем многообразии ее стилей выполняет ряд важнейших функций: моделирующую, мировоззренческую, коммуникативную [2, с. 21] и ряд других. Рассматривая фантастические произведения в духе прогностическом, К.Г. Фрумкин замечает, что «в нашей социальной реальности прогноз используют, прежде всего, как аргумент, призванный скорректировать человеческое поведение» [22, с. 16]. Вместе с тем необходимо указать на преобладание в научной фантастике произведений дистопического характера, что, безусловно, отражает общее недоверие человечества к возможностям научно-технического прогресса в устраниении нерешенных цивилизационных вызовов. В качестве примера упомянем хорошо известные фантастические циклы Л. Щисина, Р. Моргана, Н. Стивенсона, Я. Дукая, С. Лукьяненко, репрезентирующие самые мрачные перспективы будущего как человечества, так и нашей галактики. С одной стороны, алармистско-апокалиптические романы проблематизируют риски и преимущества определенных путей развития общества, с другой, что необходимо понимать, тем самым писатели определенным образом продвигают, внедряют, легитимизируют различные морфологии видоизмененного и естественного, конструируя модели пост/трансчеловека и описывая потенциальные сообщества будущего.

Нельзя не согласиться с тезисом Н.Н. Мурзина, что смысл культуры состоит в заполнении зазора, зияния, неизбежного несовпадения между человеком и миром [14, с. 69]. Развивая вышеупомянутый тезис, дополним, что и научная фантастика способна ставить под вопрос актуальные проблемы и предлагать целый спектр возможных ответов. В этом отношении, думается, благодатную пищу для размышления представляют произведения британского писателя А. Рейнольдса. Романы данного автора в определенной мере отличает «научность»: будучи астрономом в прошлом и сотрудником специализированного

агентства, он обладает инженерно-технологическим мировоззрением, знаком с типичными видами научной деятельности, включая скрупулезную работу с источниками. Именно поэтому его романы не являются образцами «гуманитарных» дистопий или фэнтези. Соглашаясь с У. Эко [26], отмечающим метахронию и метатопию фантастики, т.е. ее пространственную и темпоральную универсальность, эстраполируем вывод, что вымышленный мир будущего в романах Рейнольдса — вполне репрезентативная проекция настоящего и ближайшего будущего.

Для осмыслиния поставленных в научной фантастике проблем потенциального бытия человека необходимо осуществить своеобразный перевод сюжета, персонажей, образов, языка в философские понятия, проблемы, схемы. Для этого нужно, думается, обозначить ряд сущностных вопросов, на освещении которых будет сфокусирована настоящая статья. Перечислим их:

1. Что есть человек в будущем? Это еще человек или уже не человек?
2. Возможен ли диалог с Другим и Чужим?
3. Является ли ложь необходимым условием социальных коммуникаций в будущем?

Методы и материалы

В данной работе в качестве эмпирического материала были выбраны романы А. Рейнольдса «Ковчег спасения», «Пространство Откровения», «Фаза ингибиторов» [18–20]. Для теоретического осмыслиния поставленной проблематики автором применены общенаучные методы (моделирование), методы социально-философского анализа (герменевтический, семиотический), актантный анализ А. Греймаса.

Результаты, дискуссия

Как известно, человек как глобальная философская проблема находится в фокусе философских изысканий далеко не первое столетие. На фоне НБИКС-достижений активные дискуссии последних десятилетий связаны с новыми попытками поставить под вопрос сущность человека. В частности, речь идет о течениях, направленных на изменение и преодоление человеческой природы в обозримом будущем, так называемых постгуманизме и трансгуманизме. Их ядро в настоящий момент кристаллизуется, происходит процесс институализации проблемного поля, предмета и границ исследований. Среди основных идей вышеуказанных философских течений — необходимость усовершенствования человека (психики, тела), избавление его от страданий всех типов, достижение бессмертия, реализуемое либо на неорганической основе, либо в сетевой фор-

ме, что позволит осуществить освоение и заселение Вселенной. Фактически это возобновление эвдемонизма, опирающееся на научно-технологическое могущество современности.

Чтобы иметь возможность отвечать на поставленные вопросы, очень пунктирно в узловых моментах отразим сюжет.

Аластер Рейнольдс описывает человечество на рубеже III тысячелетия. Итак, человечество распространялось в космосе, основало ряд колоний разной степени успешности и разделилось на фракции в зависимости от отношения к нейрочистоте (усовершенствованию или трансформации человека с помощью технологий). Были периоды процветания, эпидемий, войн и упадка. В процессе колонизации вселенной люди пробудили самовоспроизводящихся роботов (ингибиторов), цель которых — регулирование разумной жизни в обитаемой Вселенной. Под регулированием подразумевается полное уничтожение. На протяжении развития сюжета несколько ключевых персонажей, противодействуя и сотрудничая как между собой и остальным человечеством, так и союзниками и противниками со стороны других рас, решают задачи локального и глобального выживания собственных общин и человеческой цивилизации в целом.

Феноменологически старение и смерть в мире будущего более не носят обязательный характер: различные фракции человечества (и главные персонажи цикла) имеют возможность выбора в преображении своей природы. Постгуманистическое решение проблемы тела и телесности оказывается в том, что мир Рейнольдса — существование исключительно взрослых: дети как залог продолжения рода не являются мотиватором для действий героев. Биологическая природа человеческой идентичности отбрасывается, тело понимается как оболочка (впрочем, в романах Р. Моргана сменяемые наборы тел так и называются — оболочки), которую можно модифицировать, перекраивать в угоду вкусу или предстоящих задач, либо и вовсе элиминировать.

Но смерть приходит в масштабе вселенском: человечеству как виду грозит тотальное уничтожение, и одно это вполне оправдывает необходимость многовековых экспедиций, следовательно, и продления жизни героев, ищущих пути спасения. Для решения этой глобальной задачи А. Рейнольдс вводит в нарративную схему помощников и противников главных героев (субъектов), сражающихся за обладание нужными артефактами (объектов). В соответствии с актантным анализом А. Греймаса это ось коммуникации, ось желания и ось испытания [5, с. 248–265].

Разумная жизнь

В произведениях цикла А. Рейнольдса шкала гуманоидности представляет собой определенную иерархию разумных существ.

1. Модифицированные гиперсвиньи, обладающие сознанием, являющиеся результатом нейроэкспериментов, страдающие от негативного отношения большинства людей, вплоть до каннибализма. Стоит отметить, что автор на уровне семантики (=свиньи) не оставил этим существам возможности встать вровень с людьми. В полном соответствии с современной инклюзивной повесткой данные персонажи выступают маркером культуры принятия Другого.
2. Обычные люди без модификаций. Такие люди вынуждены выживать в чрезвычайно суровых, опасных условиях колонизированных планет. Их отличительная особенность — отсутствие мобильности, они не имеют возможности изменить свое положение, прикованы к пространству, являются его заложниками и заложниками существующих порядков в виде анархии, бесчинств, борьбы за власть и ресурсы. Собственно, эти смертные люди воспроизводят типичное человечество с его типичным социальным устройством, теми же бедами, пороками и технологическими возможностями, не выходящими за пределы энергоресурсов родной планеты по шкале Кардашёва. Вместе с тем это единственные персонажи, сохранившие эмоционально-чувственную сферу, чем, несомненно, напоминают людей.
3. Сочленители (в оригинале *conjoiner* — соединенные вместе) и полусочленители. Они обладают усовершенствованным коллективным разумом. Даже их морфология указывает на улучшение разума: внедрение нейроимплантатов потребовало специальных охлаждающих гребней на черепе. Это трансгрессивные люди, соединенные в общую интеллектуальную сеть, носители онтологического и эпистемологического преимуществ, номадические субъекты. По выражению В.Н. Финогентова, обладатель такого развившегося разума способен осуществлять «колossalное количество значимых для него процессов» за единицу времени [23, с. 224]. Сочленители эмоционально уравновешены, сдержаны, даже холодны.
4. Ультра, представляющие собой радикально измененных, одиноких личностей. Они управляют кораблем и его системами на нейроуровне, по характеристике автора, — пираты и торговцы с ситуативной этикой.
5. Ксеноформы (цифровые сущности, личинки, слизняки — оммаж темному витализму Б. Вуддарда и Ю. Такера).

Как видим, предложенный создателем цикла социум качественно разнороден, социально, интеллектуально, политически дифференцирован и неравномерно распределен в обжитом космосе. Цивилизации людей в романах представлены в фрагментарном, «отрывочном» состоянии: это зарывшаяся в корку безводной планеты Солнечный Дол община из 5 тыс. человек, дичающие люди и каннибалы в руинах Города Бездны на Йеллоустоне, постлюди в искусственно сконструированной системе звезды, пираты на кораблях, анархия на Ресургеме. Характерно, что между «островками» жизни нет устойчивых и позитивных культурных, торговых, политических связей.

Герои, помощники, противники

Переходя к размышлению о природе человека в мирах Рейнольдса, необходимо дать анализ характеров и действий главных героев. По мысли автора, именно женщины играют определяющую роль и в управлении общинами, и в покорении космоса, и в войнах, и в спасении человеческой цивилизации. Этот несколько, может быть, чрезмерный пафос уравновешивается «регулярным» принесением искупительных жертв со стороны второстепенных персонажей-мужчин.

Героиня Сидра (в оригинальном тексте ее зовут Glass: стекло, зеркало, телескоп, возможно, тем самым имя подчеркивает «неженскую» сущность персонажа), которой суждено спасти человечество, — полусочленительница. По описанию, полусочленители и сочленители «обладают всеми способностями обычных людей, но практически не имеют ограничений», это «искусственно созданный инструмент, орудие войны» [20, с. 179], «посланник смерти» [там же, 180], предела ее силам нет: «не удается выяснить их предел» [20, с. 205]. Героиню вернули к жизни (причина смерти — убийство в ходе военной операции) и переконструировали, сделав способной к автономному решению задач высочайшей сложности. При этом на протяжении всего цикла героиня действует как уверена в ситуации «чрезвычайного положения» [1], т.е. наделяя саму себя правом не только на обоснованное ответное насилие, но и на уничтожение врагов, друзей, случайных людей во имя высшей цели. Пожалуй, это единственный персонаж, которому чужды сомнения: она готова без колебаний разрушить планеты и цивилизации, что, безусловно, отдаляет ее от человека в привычном понимании. Ее прямолинейность роднит ее с солдатом, беспрекословно и твердо реализующим полученный приказ. Заметим, что ради достижения цели Сидра использует и аморальные средства в том числе. И хотя мотивация героини остается без объяснения (а ведь по мотивам узнается человек!), у нее есть глобальная и скрытая

до поры от всех цель, а также тайный и могущественный союзник внутри тела — представитель разумной чужой расы.

Быть (полу)сочленителем — уметь «подключаться к мысленным ресурсам своих прародителей, координируя и деля между собой мысленные задачи, но не растворяясь абсолютно в коллективном разуме» [20, с. 337]. По словам автора, Сидра стремится быть идеальной, поэтому ей «не хватает умения быть человеком [курсив наш. — П.В.]». Характерно, что Рейнольдс совершенно в постгуманистическом курсе считает это «умением». Если «быть человеком» — умение, следовательно, можно данное умение разбить на элементы и встроить в любую другую систему. Сидра преступает за пределы и нормы собственного вида, ставя себя над всеми табу. Она предстает своеобразным экспликатором, раздвигающим онтологические пределы, что сближает ее с супергероем [3]. Ее поведение строго рационально, «лишено элементов хаоса», поэтому невозможно считать ее человеком, по своим характеристикам она походит на Сверхчеловека и приближается к Демиургу.

Все центральные женские персонажи — Сидра, Вольева, Скади, Леди Арэх — имеют нейроимплантаты, выглядят бесполыми, осознают свое превосходство, могущество и незаменимость по сравнению с остальными. Приведем несколько цитат из романов: «нет ничего такого, до чего я не могу дотянуться и что не могу контролировать» [20, с. 79], «ценные компоненты общества» [19, с. 23], «она слишком ценна, чтобы позволить ей умереть» [20, с. 178], «объект первостепенной важности» [19, с. 54]. Ценность разумного существа в романе подменяется стоимостью его интеллектуальных ресурсов и силой могущества. Тем самым, отвечая на первый поставленный нами вопрос, можно сделать вывод, что симпатии А. Рейнольдса на стороне технологизированных сочленителей, своеобразных номадических сингулярностей, так как именно им отводится всеобъемлющая роль в решении стратегических вызовов мира будущего, и только радикально модифицированным существам доступно все многообразие альтернатив. Но, безусловно, это уже не люди. Интересно, что один из союзников сочленителей — Клавейн — отказался от имплантатов и пожелал оставить собственные мозги в неприкосновенности, сохранив тем самым автономность, право на чувства и непредсказуемость.

Свои-Чужие и ложь в коммуникациях

Теперь попробуем обрисовать ситуацию с коммуникативными процессами. Примечательно, что основанием большинства коммуникативных актов является ложь и ложное в различных формах. Как пишет Ю.А. Разинов, «ложное возникает как результат

сложной конstellации опыта, в котором сочленяются в единстве акта: опыт истины и ее искажение, опыт нормы и ее извращение, опыт запрета и его нарушение» [17]. Практически все коммуникации героев укладываются в шкалу разнообразных видов лжи — от утаивания (ложное как скрытое, по выражению Ю.А. Разинова [17, с. 28]) до имитации правды (обман, подлог). Если использовать актантную модель нарратива Я. Греймаса [5], окажется, что по отношению и к помощникам, и к противникам герой применяет ложь. Обман как модус социальной коммуникации присутствует и в ситуации взаимодействия союзников, и в ситуации взаимодействия врагов (утаивание, скрытие, дезинформация противной стороны). Приведем несколько примеров. Так, Сидра выдает себя перед людьми за спасшегося пассажира уничтоженного ею корабля, чтобы попасть в нужную колонию, далее она обманывает своего главного союзника Клавейна о целях путешествия. Во время одной из промежуточных операций Сидра скрывает от союзников, что она не может полностью контролировать ИИ артефактов, созданных чужой расой, тем самым вводя их в заблуждение насчет гарантированного успеха.

Еще пример. Благодаря объединению в единую сеть сочленители способны к мгновенной коммуникации. Тем не менее, даже их идеально открытая община не лишена обмана. Так, Скади, сочленительница, занимающая весомую должность в руководстве общиной, имеет в своем сознании как минимум три иерархических уровня, два из которых скрыты от коллективного разума, что делает ее мотивы и поступки и непрозрачными для общины, и вредоносными. Коммуникация «Я-Другой», т.е. общение внутри и между фракциями человечества — сочленителями, ультра, людьми, — насыщены ложью и обманом.

Ложные воспоминания о себе используются некоторыми персонажами в качестве защиты от собственного прошлого, отягощенного причиненными другим страданиями и злом. Фактически ложь становится единственным способом достигать поставленных целей. Коммуникация «Я-Чужой», где Чужой представлен неизвестным, отчужденным, ужасающим, не идентифицируемым, но все-таки считываемым Злом, тоже представляет интерес. Такое взаимодействие между человеческим и нечеловеческим, по словам М. Уорк, можно описать понятием «ксено-коммуникации, она же — медиация чужеродного» [4, с. 34]. Парадоксально, что истинные намерения — уничтожение разумной жизни — артикулируются только могущественными и технологически неуязвимыми ингибиторами, сконструированными автономными машинами. То есть Чужой искренен в сво-

их высказываниях, в то время как представителю человечества приходится скрывать правду и обманывать.

В романе представлены варианты коммуникации с новой формой жизни-в-смерти, т.е. киборгом, представляющим собой биологически мертвое тело капитана Бреннингена в результате заражения компьютерным вирусом. Ползучий по внутренностям корабля вирус соединяется с телом и мозгом находящегося в криокapsule капитана, преобразуя его сущность в разумную симбиотическую химеру: «серебристые отростки ... выходят из капитана, сращенные с его центральной нервной системой ... змеясь, раздваиваясь и сливаюсь опять» [19, с. 194]. Несмотря на то что капитан как человек мертв (его тело заморожено в криокамере), и Сидра, и Вольева могут поддерживать с ним взаимодействие, вступать в переговоры и достигать компромиссов. Таким образом, как пишет Ю. Такер, «человек коммуницирует с чем-то радикально и непредвиденно реальным» [4, с. 31]. Тем самым Рейнольдс расширяет палитру мыслимых странных форм жизни, фактически отодвигая границу смерти максимально далеко в область ужасающего и чудского.

Устами одного из второстепенных персонажей автор проводит важную, как представляется, для него мысль, что «в странностях нет ничего плохого» [20, с. 464], говоря о соединении двух личностей в одном теле. У многих персонажей звучат в голове внутренние голоса, причем не только санкционированные социумом (как в обществе сочленителей), но и императивные, отдающие распоряжения и указания. Одна из основных линий цикла — сознание Другого/Чужого внутри (пост)человеческой личности: это Мадемуазель и Похититель Солнца, являющиеся представителями древних разумных и враждебных человечеству миров, это Уоррен Клавэйн, перемещенный в сознание Сидры, это Кэлвин Дэн, воплощающийся в сознании своего сына Силвестра. По мысли автора, средоточие в рамках одного тела и сознания двух существ — и способ выжить в неопределенном мире, и онтологическое преимущество, и акт дружбы, и оружие мести. Роман насыщен коммуникацией с различными версиями Чужих: это и иные формы разумной жизни, и модели (не)человеческого ИИ, и принципиально различные виды людей и даже животных (упоминается говорящий кот), и цифровые репрезентанты-субличности, которые передают через протокол связи (альфа, бета, гамма версии). Один из возможных вариантов цифровой жизни представлен в существовании «бестелесных личностей в коре нейтронной звезды» — древнем хранилище данных [19, с. 157]. Их коммуникации представляют собой внетемпоральный

обмен информацией и присутствие в цифровом бытии.

Коммуникация становится доступной и технике. Субсветовые корабли, шаттлы, скафандры, корабельные орудия также обладают свободой и самостоятельностью в принятии ряда важнейших решений, фактически, становятся сознающими, коммуницирующими и действующими субъектами. Технические артефакты вступают в коммуникацию друг с другом и людьми. В романах Рейнольдса представлены новые образцы субъектов, предложен проект синтеза между человеком, техникой и технологией, в котором, по словам А.Ю. Нестерова, «человек осуществляет в себе человеческое с учётом объективности и субъектности окружающей его техносферы» [9, с. 459]. Эта коммуникация — ответ на усложнение жизни, попытка увидеть человеческое в Других/Чужих и нечеловеческое в людях.

Выделим иные формы разума, описанные в бестиарной манере, с которыми персонажам необходимо вступить в коммуникации по формуле «Я-Чужой» и под воздействием которых нужно вновь трансформировать свою прежде модифицированную человеческую природу. Чужие сущности описаны следующим образом: «клейкая зеленая масса», «жидкая глина» [20, с. 389], «сочащиеся стены» [20, с. 396], «связь со сгустком» [20, с. 408], «тонкая пленка зеленои пены» [20, с. 403], «биохимическое сознание ... из триллионов симбиотических микроорганизмов» [18, с. 120], «сгустки серо-зеленои биомассы» [19, с. 662], «комковатый слой зелени» [19, с. 664]. Для решения собственных задач персонажам (Сидре, Клавейну, Леди Арех) приходится погружаться в эти сущности и проходить через биологическую смерть. Таким образом, писатель конституирует онтологически иной мир в других пространствах. Подытоживая рассуждение о коммуникативных особенностях, возможностях диалога в представленном проекте универсума, следует отметить их противоречивость: с одной стороны, количество акторов (адресатов и адресантов) велико настолько, насколько Универсум заполнен разумной жизнью, диалог возможен, с другой — отсутствует понимание между участниками. Первостепенная проблема социального устройства будущего — ложь как коммуникативный фундамент взаимодействия персонажей.

Ключевые персонажи цикла — одинокие и отчужденные существа,nomады [З. Бауман, Дж. Урри], кочевники, не имеющие семьи, детей, дома. Их обители — корабли с символическими названиями «Коса», «Ностальгия по бесконечности», «Паслён». Слово «коса» насыщено аллегориями смерти и жатвы как надежды на возрождение [10, с. 264–265], а паслён — ядовитое растение. Ностальгия по бес-

конечности имеет амбивалентный смысл: тоска по дому, но у героев нет дома, нет корней, подчас и прошлого. Им некуда вернуться. Их «дом» — космические корабли с ИИ, плывущие в холодном и враждебном пространстве. Их удел — движение, равновесие их существования «достигается благодаря непрерывному движению» [16, с. 169].

Сегодня кочевники являются подлинной элитой, так как имеют возможность «межсредового номадизма», по определению А.А. Дыдрова [8, с. 125]. Номады устремляются в путешествие, сохраняя автономность, безопасность, мобильность и воплощая способность быть демиургами. Тем людям, кто остается внизу (на планете, спутнике), достается удел смертных, обреченных на голод, отчаяние, упадок.

Заключение

Философ Д. Харви, описывая постмодернистскую литературу, отмечает следующее: «Наложение разных миров во многих постмодернистских романах, миров, между которыми в пространстве сосуществования преобладает некоммуникативная «инаковость» [25, с. 88]. В свою очередь, подчеркнем, что эта инаковость развела человечество по настолько разным полюсам коммуникации, что связь между ними возможна через обман, фальсификацию и сокрытие. Рейнольдс наделяет главных персонажей имманентной способностью ко лжи. Социальное развитие фракции сочленителей показывает преимущество технологизации сознания и тела: именно у аугментированного общества есть доступ к ресурсам, безопасность, оружие, мобильность, скорость и качество принятия решений, технологии трансформирования, возможность выбора дальнейшей судьбы и многое другое. Фактически для А. Рейнольдса это способ сказать, что будущее принадлежит киборгам, тем людям, которые сумели преодолеть несовершенство человека как вида. Другие пути, по замыслу создателя цикла, ведут к деградации и упадку.

Резюмируя, отметим, что автор настаивает на неизбежности постгуманистической перспективы человека: это искусственно сконструированное или генетически видоизмененное существо, способное в течение как минимум нескольких столетий существовать в условиях межзвёздных перелетов, с беспределными возможностями и способностями, эмоционально холодное, обладающее возможностями коммуникации с техническими артефактами, не имеющее дома и не нуждающееся в семье, близких, друзьях, т.е. практически полностью асоциальное. Категоричное суждение П. МакКормак гласит, что «мы всегда были и постоянно превращаемся в постлюдей» [27, р. 1]. В этом высказывании, безусловно,

присутствует рациональное зерно. Экстраполируя взгляды А. Рейнольдса, скажем, что социальная дифференциация проходит по линии преобразования природы человека, в связи с чем мыслятся несколько альтернатив будущего: обычным, не модифици-

рованным людям, уготованы тяжкая и зависимая жизнь и бесповоротная смерть; для постлюдей предлагаются уход в виртуальную матрицу (эскапизм) либо судьба космических Одиссеев, скитающихся в холодной мгле в поисках надежды.

Литература

1. Агамбен Д. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь* [Текст] / Д. Агамбен. — М.: Европа, 2011. — 256 с.
2. Белей М.А. Жанровые особенности антиутопического научно-фантастического романа Пьера Буля «Планета обезьян»: коммуникативный аспект [Текст] / М.А. Белей // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2023. — № 6. — С. 20–27. — DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-6-20-27
3. Беляев Д.А. История сверхчеловека: философско-культурологическая экспликация концепта [Текст] / Д.А. Беляев. — Липецк: Изд-во Липецкого гос. пед. ун-та им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, 2020. — 272 с.
4. Гэллоуэй А. Эккоммуникация. Три эссе о медиа и медиации [Текст] / А. Гэллоуэй, М. Уорк, Ю. Такер. — М.: Ад Маргинем, 2022. — 256 с.
5. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода [Текст] / А.-Ж. Греймас. — М.: Академический проект, 2004. — 368 с.
6. Делёз Ж. Кино [Текст] / Ж. Делёз. — М.: Ad Marginem, 2012. — 560 с.
7. Диденко В.Д. Художественно-эстетическая коммуникация как выражение невыразимого [Текст] / В.Д. Диденко // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2014. — Т. 3. — № 1. — С. 16–20.
8. Дыдров А.А. Эпоха футуроплюрализма: фигуры человека будущего [Текст]: монография / А.А. Дыдров. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2018. — 202 с.
9. Жижек С. «Матрица», или Две стороны извращения [Текст] / С. Жижек // Матрица и философия: добро пожаловать в пустыню реальности / Сост. У. Ирвин. — М.: ACT, 2022. — С. 261–295.
10. Керлот Х.Э. Словарь символов [Текст] / Х.Э. Керлот. — М.: REFL-book, 1994. — 608 с.
11. Кузнецов В.Ю. Философия фантастики. К постановке проблем [Текст] / В.Ю. Кузнецов // Философия и общество. — 2010. — № 1. — С. 124–140.
12. Маслов В.М. Научная фантастика в системе современного научного знания [Текст] / В.М. Маслов // Фундаментальные и прикладные исследования. — 2013. — № 3. — С. 180–185.
13. Мерло-Понти М. Кино и новая психология [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.Psychology.ru.library/00038.sh tml?ysclid=l18wecjxy205360191> (дата обращения: 12.12.2024).
14. Мурзин Н.Н. Философия в вымыселных мирах — великий отсутствующий персонаж (на примере творчества Дж.Р.Р. Толкина) [Текст] / Н.Н. Мурзин // Vox. — 2019. — Вып. 26. — С. 69–86.
15. Несторов А.Ю. Человек и техника в постсингулярном мире [Текст] / А.Ю. Несторов // Третья Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема. — Ставрополь: Изд-во Самар. ун-та, 2016. — С. 434–470.
16. Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков [Текст] / В.А. Подорога. — М.: Канон+, Реабилитация, 2013. — 552 с.
17. Разинов Ю.А. Ложное как социокультурный феномен [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Ю.А. Разинов. — Казань, 2015. — 42 с.
18. Рейнольдс А. Ковчег спасения [Текст] / А. Рейнольдс. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. — 672 с.
19. Рейнольдс А. Пространство Откровения: роман [Текст] / А. Рейнольдс. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. — 640 с.
20. Рейнольдс А. Фаза ингибиторов: роман [Текст] / А. Рейнольдс. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 576 с.
21. Такер Ю. Ужас философии: в 3 т. Т. 1: В пыли этой планеты [Текст] / Ю. Такер. — Пермь: Гиле Пресс, 2017. — 184 с.
22. Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики [Текст] / К.Г. Фрумкин. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 240 с.
23. Финогентов В.Н. К онтологии неисчерпаемого универсума [Текст] / В.Н. Финогентов. — Орёл: Картуш, 2020. — 264 с.
24. Фишман Л.Г. Фантастика и гражданское общество [Текст] / Л.Г. Фишман. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2002. — 168 с.
25. Харви Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений [Текст] / Д. Харви. — М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2021. — 576 с.
26. Эко У. О зеркалах и другие истории. Реалистическая иллюзия. Кн. 1 [Текст] / У. Эко. — М.: Слово, 2020. — 280 с.
27. MacCormack P. Posthuman ethics: embodiment and cultural theory. London: Ashgate Publ. 168 p.

References

1. Agamben D. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer. Sovereign power and naked life]. Moscow: Evropa Publ., 2011. 256 s.
2. Belej M.A. Genre Features of Pierre Boulle's Dystopian Science Fiction Novel "Planet of the Apes": A Communicative Aspect // *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communication studies]. 2023. № 6. S. 112: 20–27. DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-6-20-27
3. Belyaev D.A. *Istoriya svrkhcheloveka: filosofsko-kul'turologicheskaya eksplikatsiya kontsepta* [The History of the Superman: A Philosophical and Cultural Explication of the Concept]. Lipetsk: Lipetskij gos. ped. un.-t im. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2020. 272 s.
4. Ge' lloue`j A., Uork M., Taker Yu. Excommunication. Three essays on media and mediation [E'kskommunikatsiya. Tri e'sse o media i mediatsii]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2022. 256 s.
5. Grejmas A.-Zh. *Strukturnaya semantika: Poisk metoda* [Structural Semantics: The search for a method]. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2004. 368 s.
6. Delyoz Zh. *Kino* [Cinema]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2012. 560 s.
7. Didenko V.D. Artistic and aesthetic communication as an expression of the inexpressible // *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communication studies]. 2014. V. 3, № 1. S. 16–20.
8. Dy'drov A.A. E' pokha futuroplyuralizma: figury` cheloveka budushhego: monografiya [The Era of Futuropluralism: Figures of the Man of the Future: Monograph]. Chelyabinsk: YuUrGU Publ., 2018. 202 s.
9. Zhizhek S. «Matritsa», ili Dve storony` izvrashcheniya // *Matritsa i filosofiya: dobro pozhalovat' v pusty'nyu real'nosti* [The Matrix, or Two Sides of Perversion // The Matrix and Philosophy: Welcome to the Desert of Reality]. Sost. U. Irvin. Moscow: AST Publ., 2022. S. 261–295.
10. Kerlot KH.E` *Slovar` simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow: REFL-book Publ., 1994. 608 s.
11. Kuznetsov V.Yu. *Philosophy of Science Fiction. Towards Problem Statement* // *Philosophy and society* [Filosofiya i obshchestvo]. 2010. № 1. S. 124–140.
12. Maslov V.M. *Science fiction in the system of modern scientific knowledge* // *Fundamental'nye i prikladnye issledo-*

- vaniya [Fundamental and applied research]. 2013. № 3. S. 180–185.
13. Merlo-Ponti M. *Kino i novaya psichologiya* [Cinema and the New Psychology] [E`lektronnyj resurs]. URL: <https://www.Psychology.ru.library/00038.shtml?ysclid=ll18wecjxy205360191> (data obrashheniya: 12.12.2024).
14. Murzin N.N. Philosophy in fictional worlds — the great absent character (based on the work of J.R.R. Tolkien) // *Vox* [Vox]. 2019. Vy`p. 26. S. 69–86.
15. Nesterov A.Yu. Man and Technology in the Post-Singularity World // *Tret`i Lemovskie chteniya: sb. materialov Vserossijskoj nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem pamjati Stanislava Lema* [The Third Lem Readings: Collection of Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation in Memory of Stanislav Lem]. Samara: Samar. un-t Publ., 2016. S. 434–470 (in Russian)
16. Podoroga V.A. *Metafizika landshafta. Kommunikativnye strategii v filosofskoj kul'ture XIX–XX vekov* [Metaphysics of Landscape. Communicative Strategies in the Philosophical Culture of the 19th–20th Centuries.]. Moscow: Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., 2013. 552 s.
17. Razinov Yu.A. Falsehood as a sociocultural phenomenon: avtoref. diss. d-ra filos. nauk. Kazan', 2015. 42 s.
18. Rejnl`ds A. *Kovcheg spaseniya* [Ark of Salvation]. Sankt-Peterburg: Azbuka-Attikus Publ., 2014. 672 s.
19. Rejnl`ds A. *Prostranstvo Otkroveniya: roman* [Revelation Space]. Sankt-Peterburg: Azbuka-Attikus Publ., 2014. 640 s.
20. Rejnl`ds A. *Faza ingibitorov: roman* [Inhibitor Phase]. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2022. 576 s.
21. Taker Yu. *Uzhas filosofii: v 3 t. T. 1: V py`li e`toj planety`* [The Horror of Philosophy: in 3 v. V. 1: In the Dust of This Planet]. Perm': Gile Press Publ., 2017. 184 s.
22. Frumkin K. G. *Filosofiya i psichologiya fantastiki* [Philosophy and Psychology of Science Fiction]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 240 s.
23. Finogentov V.N. *K ontologii neischerpaemogo universuma* [Towards an Ontology of an Inexhaustible Universe]. Oryol: Kartush Publ., 2020. 264 s.
24. Fishman L.G. *Fantastika i grazhdanskoe obshhestvo* [Science Fiction and Civil Society]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2002. 168 s.
25. KHarvi D. *Sostoyanie postmoderna: issledovanie istokov kul'turnykh izmenenij* [The State of Postmodernity: A Study of the Origins of Cultural Change]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki Publ., 2021. 576 s.
26. E`ko U. *O zerkalakh i drugie istorii. Realisticheskaya illyuziya* [About Mirrors and Other Stories. Realistic Illusion]. Kn. 1. Moscow: Slovo Publ., 2020. 280 s.
27. MacCormack P. Posthuman ethics: embodiment and cultural theory. London: Ashgate Publ. 168 p.